

Литература

1. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина, С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2002. – 816 с.
2. Кравцова, М. Е. Поэзия древнего Китая / М. Е. Кравцова. – Санкт Петербург : Вектор, 1994. – 544 с.
3. 宋兆麟·李露露. 中国古代节日文化. 北京: 文物出版社, 年. 页. Сун Чжао-линь, Ли Лулу. Праздничная культура старого Китая. – Пекин : «Вэньчуаньшэ», 1991. – 197 с.

Т.В. Коротченко

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

Проблема переводческой интерпретации «открытого произведения»: на материале англоязычного перевода рассказа Ф.М. Достоевского «Бобок»

Статья посвящена сопоставительному анализу рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок» и его англоязычного перевода, выполненного Б. Л. Бразодем. Цель исследования заключается в изучении влияния переводческой интерпретации на степень «открытости» художественного произведения посредством фиксации в переводе сдвигов на различных уровнях текста.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; рассказ «Бобок»; переводческая интерпретация; «открытое произведение», рецепция.

Приступая к работе над переводом художественного текста, который является семиотической единицей культуры, переводчик всегда обращается к анализу историко-литературного контекста произведения с целью понимания авторского замысла. На данном этапе художественное произведение воспринимается и трактуется переводчиком как некий завершенный объект искусства, характеризующийся определенным смысловым содержанием. Используя терминологию У. Эко, такая «завершенность» [5, с. 70] – это лишь одна сторона восприятия художественного произведения, относящегося, прежде всего, к категории автора. «Открытость» [5] произведения заключается в возможности различных интерпретаций художественного текста, возникающих в самом акте чтения, вовлечении читателя в процесс творения текста в соответствии с эстетикой постструктурализма. Поэтика «открытого произведения» отличается фраг-

ментарностью, незавершённой, символичностью, неопределённостью слова. Текст в таком случае только намекает, предоставляя читателю свободный выбор его истолкования.

Учитывая перечисленные особенности поэтики «открытого произведения», принципиальным становится вопрос о возможности перевода подобного текста без изменения степени его открытости. Несмотря на множество различных подходов к пониманию сущности перевода (трансформационный, семантический, динамический, коммуникативный и т.д.), а также двух противоположных переводческих концепций, таких как «одомашнивание» и «отчуждение», разработанных Фридрихом Д. Э. Шлейермахером еще в XIX в., непосредственно процесс перевода ученые единогласно определяют как процесс интерпретации. Таким образом, переводчик, как и любой эмпирический читатель, толкует оригинальный текст в соответствии со своими переводческими принципами, культурными ожиданиями и собственным пониманием намерения автора. В итоге, иноязычный читатель знакомится с текстом, в котором переплетаются частичное намерение автора оригинала, частичное намерение текста и намерение переводчика, под которым понимается заложенная в процессе перевода интерпретация оригинального текста.

Рассказ «Бобок», опубликованный Ф. М. Достоевским в 1873 г. в журнале «Гражданин» и ставший шестой главой «Дневника писателя» считается наиболее сложным произведением писателя с точки зрения заложенных в нем смыслов и возможностей интерпретации. В этом отношении показательным само название главы «Бобок», в которой публикуется рассказ: до сих пор для слова «бобок» нет и «не может быть никакой окончательной расшифровки» [4, с. 312]. Такую неопределенность слова, а также открытость и неоднозначность трактовки события, И. Л. Волгин определяет как «систему повествовательных намеков» [1, с. 259–260], которая является отличительной чертой художественного мира писателя.

«Открытость» рассказа «Бобок» можно проследить на уровне языка повествователя, «рубленный» слог которого, отдельно брошенные фразы способствуют тому, что слово приобретает неопределенность, наделяется различными оттенками смысла, позволяющими читателю по-разному трактовать произведение. Стоит отметить тот факт, что сам повествователь назвал свой текст «Записки одного лица». Записки как литературный жанр не претендуют на глубокую рефлексивность, четкую логику и масштабное осмысление. Такая установка повествователя проявляется в более доверительной манере письма, это некий сказ, внутренняя речь героя. Согласно наблюдению В. Н. Захарова, отличительной особенностью «записок» Достоевского является «особая художественность, которая

выражает «беспорядок» современной жизни, допускает в сюжет случайное, хаотическое, «немотивированное» [3, с. 39–40], что в свою очередь способствует увеличению степени «открытости» создаваемого произведения.

Как известно, сюжет рассказа достаточно прост: неудачливый литератор попадает на кладбище и подслушивает разговор мертвых. При этом в тексте намеренно умалчивается об истинных причинах пограничного состояния героя: это может быть и сон, и галлюцинация, вызванная алкогольным опьянением, и реальность. Более того, рассказ заканчивается в традиции «открытого произведения» и в соответствии со стилистическим приемом обманутого ожидания: повествование резко обрывается, в том месте, когда читатель с нетерпением ждет откровений мертвецов: «И тут я вдруг чихнул. Произошло внезапно и ненамеренно, но эффект вышел поразительный: всё смолкло, точно на кладбище, исчезло, как сон» [2, с. 53].

Перевод рассказа «Бобок» на английский язык был выполнен в середине XX в. Борисом Львовичем Бразолем.

Формальной отличительной чертой данного перевода является отсутствие деления рассказа на части, отражающее в оригинальном тексте символическое погружение читателя в мир мертвых. В итоге, отсутствие в переводе эксплицитно обозначенных частей способствует большему размыванию границ между реалистическим планом рассказа и фантастическим.

В переводе наблюдается тенденция к исправлению грамматических ошибок героя, неполные предложения (особенно, если в них есть неоднозначные слова), характерные для сказовой формы повествования чаще передаются как полные: 1) «Семен Ардальонович третьего дня мне как раз: <...>» [2, с. 41]. / «*The day before yesterday Semen Ardalionovich asked me*» (Позавчера Семен Ардальонович спросил меня) [6, р. 43]; 2) «Покойник добывал, ну а теперь – пенсионишка. Подождут хвосты» [2, с. 43] / *The deceased had been earning, but now there is only a miserable pension. They will have to cut down.* (Покойник зарабатывал, а сейчас есть только мизерная пенсия/пособие. Им придется сократить расходы) [6, р. 45].

В переводе, таким образом, частично уходит фрагментарность и обрывистость речи героя. Переводчик либо дополняет, конкретизирует оригинальный текст, либо делает его более плавным с точки зрения норм языка перевода, однако во обоих случаях он лишает читателя возможности погрузиться в игру с автором, в ситуацию активного домысливания оригинального текста.

Наиболее ярко «поэтика повествовательных намеков», способствующая «открытости» произведения, проявляется на лексическом уровне.

В рассказе ключевые с точки зрения проблематики произведения лексемы (дух, мытарства и т.д.), встречающиеся на протяжении всего произведения, наделяются различными смыслами. Закономерно, что в самом начале повествования о случае на кладбище рассказчик вводит каламбур, обыгрывая различные значения слова «дух» (духовные знания, вера, запах) и предоставляя читателю выбор между телесным и духовным, нравственным и безнравственным, вечным и преходящим: «Во-первых, дух. Мертвецов пятнадцать наехало. <...> Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом» [2, с. 43] / «*To begin with – the atmosphere. Some fifteen corpses arrived together. <...> But the atmosphere! The atmosphere! – I wouldn't like to be a clergyman there*» (В первую очередь – атмосфера. Около пятнадцати покойников приехало. <...> Но атмосфера! Атмосфера! – Я бы не хотел быть здесь священником) [6, р. 45].

В качестве эквивалента к слову «дух» переводчик использует слово «*atmosphere*», в семантическое поле которого входят значения обстановки и запаха. Созданный рассказчиком каламбур в переводе не сохраняется. Так, переводческая интерпретация данного фрагмента не позволяет англоязычному читателю увидеть обозначенную автором многоплановость произведения. Стоит отметить, что в переводе усиливается намеченная переводчиком интерпретация, так как в последующих случаях в качестве эквивалента слову «дух» используется слово «*odor*» (запах) [6, р. 48].

Лексема «мытарство», встречающее в тексте рассказа дважды, в том числе в его перипетии, и отсылающее русскоязычного читателя к христианским представлениям о посмертных испытаниях души, в англоязычной версии представлена разными вариантами: «*trials*» (тяжелое испытание), «*sufferings*» (страдания). Таким образом, переводчик игнорирует возможный эквивалент «*affliction*» (посмертное испытание), которое используется в англоязычных католических «молитвах за умерших», и тем самым нивелирует религиозный план произведения.

На основании проведенного сопоставительного анализа можно утверждать, что перевод, будучи неизбежной интерпретацией оригинала, влияет на степень «открытости» произведения. При этом, такое влияние может содействовать как усилению степени «открытости» художественного текста, так и ослаблению данной характеристики. Так, несохранение в переводе структуры оригинального текста лишает читателя возможности увидеть заданную автором архитектонику произведения, и в этом смысле англоязычный читатель «Бобка» находится в ситуации большей свободы. Здесь принципиальное значение приобретают семантические сдвиги, анализ которых во всей совокупности позволяет выявить, какой из заложенных в главе истолкований акцентируется в переводе.

Очевидно, что в версии Бразоля, ввиду определенных переводческих решений на семантическом уровне, происходит нивелирование философско-религиозной линии произведения, а «Бобок» превращается в рассказ-фельетон, написанный писателем с целью освещения вопросов злободневной действительности. При этом, безусловно, стоит учитывать тот факт, что сопоставительный анализ оригинального и переводного текста фиксирует прежде всего интерпретацию переводчика, исключая из поля исследования акт взаимодействия перевода и читателя.

Литература

1. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского : исторические записки. – Москва : Советский писатель, 1991. – 543 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, Т. 21. – 1976. – 552 с.
3. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского : типология и поэтика. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 208 с.
4. Милнер-Галланд, Р. Что происходит в рассказе «Бобок»? // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 293–312.
5. Эко, У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 412 с.
6. Dostoevsky, F. M. The Diary of a writer. Translated and annotated by Boris Brasol. – Salt Lake City : Peregrine Smith books, 1985. – 1097 p.

Е.Н. Леонова, Я.В. Пахомова

Тихоокеанский государственный университет

Межкультурные особенности дискурса англоязычных и русскоязычных тревел-блогов

В статье рассматривается проблема межкультурных особенностей национальных тревел-блогов и возможных проблем, связанных с переходом из одной культуры в другую. Путешествие в другую страну влечет за собой вхождение в чужую культуру, к чему путешественники не всегда бывают готовы. Такая неподготовленность приводит к столкновению культур и культурному шоку.

Ключевые слова: тревел-блог; межкультурная коммуникация; культурный шок; межкультурное сравнение; межкультурная адаптация.

Интернет-общение сегодня чрезвычайно важно для всех групп населения и имеет свои особенности в профессиональной и непрофессиональной сфере общения. В современной филологической науке Интернет-дискурс привлекает большое внимание исследователей, так как язык